

РЕСЕНТИМЕНТ В СТРУКТУРЕ МОРАЛЕЙ

Вводное замечание

Одно дело - мысленно расчленять содержание внутреннего восприятия на комплексы, последние в свою очередь - на "простые" элементы, изучать условия и следствия искусственно варьируемых (посредством наблюдения или наблюдения и эксперимента) комплексов, и другое дело, описывая и понимая, выявлять целостные переживания и смыслы, которые как таковые сами содержатся в человеческой жизни, а не порождены путем искусственного "разделения" и "соединения". Первое - это путь синтетически-конструктивной и объясняющей психологии (методически ориентированной на естествознание), второе - путь аналитически-понимающей и дескриптивной психологии. Психические единства, которыми оперирует первый способ исследования, произведены искусственно. Вовсе не обязательно, чтобы эти единства схватывались также единым актом переживания и включались в него. Части такого искусственного единства скорее всего будут принадлежать совершенно различным актам переживания. Так, все существующие одновременно ощущения органов чувств, которые я в данный момент испытываю, принадлежат принципиально различным комплексам переживаний (например, восприятию писчей бумаги, восприятию того, что я сижу на своем стуле, восприятию того, что я нахожусь в этой комнате, восприятию процесса моего писания и т.д.). Тем не менее, я могу связать их в любые комплексы или, наоборот, подвергнуть эти комплексы аналитической разбивке на части. Многое из того, что не входит в переживание и устанавливается лишь благодаря каузальному анализу путем искусственного варьирования начальных и конечных звеньев процесса, может быть обусловлено генетически; например, так я узнаю о том, что пребываю в положении равновесия и что сопровождающие мое положение ощущения обусловлены обычными ощущениями в ухе, которые соответствуют чувству равновесия, возникающему в находящемся там статолитном аппарате. Аналогичным образом, в единство переживания не включено то из ощущений и их воспроизведений, что входит, например, в восприятие лежащей передо мной книги. Фактическое наличие этих элементов не исключает того, что они все-таки не переживаются в единстве этого восприятия. В то же время невообразимо сложные психические факты (в смысле первого из названных подходов) могут быть феноменально *простыми* постольку, поскольку они даны в *одном* акте переживания. Они тогда "феноменологически просты". Переживаемые мною дружба, любовь, оскорбление, общее восприятие окружающего мира в какой-то фазе моего детства - все это, с точки зрения первого способа рассмотрения, совокупность самых разных, случайно собранных вместе элементов (ощущений, представлений, умозаключений, суждений, актов любви и ненависти, чувств, настроений и т.д.); они, кроме того, разбросаны по совершенно разным местам объективного времени и прерываются переживаниями совсем иного рода и совсем иной степени единства, а также сном и пробуждением, болезнью и т.д. И тем не менее они образуют феноменальные единства пережитого и как таковые переживаются мною (не в объективно-каузальном смысле) как действенные и со-определяющие мои дела и поступки. Я, конечно, могу разложить каждое из названных выше единств переживаний на подьединства, например, на тот или иной "предшествующий случай", на ту или иную "ситуацию" внутри "дружбы", на тот или иной определенный взгляд или тот самый смех друга и т.д. Но эти частичные единства всегда должны быть опять-таки единствами переживания, т.е. такими, которые приобретают свое единство и свой смысл посредством *одного* акта переживания, а не за счет искусственного разделения и соединения. Они и тогда остаются частичными единствами переживаний, но не становятся помысленными единичными частями переживаний. Единства и комплексы, на которые нацелены оба

направления исследований, никогда не совпадают друг с другом, и точно также никогда не могут совпасть их результаты. Впрочем, глубинная философская связь между ними не является предметом нашего обсуждения.

Как такое единство переживания и действия и исследуется в дальнейшем *ресентимент*.

Мы пользуемся словом "ресентимент" не из особого предпочтения к французскому языку, а потому что нам не удастся перевести его на немецкий. К тому же благодаря Ницше оно было разработано до *Terminus technicus*. В естественном французском словоупотреблении я нахожу два элемента слова "ресентимент": во-первых, речь идет об интенсивном переживании и последующем воспроизведении определенной эмоциональной ответной реакции на другого человека, благодаря которой сама эмоция погружается в центр личности, удаляясь тем самым из зоны выражения и действия личности. Причем, постоянное возвращение к этой эмоции, ее переживание резко отличается от простого интеллектуального воспоминания о ней и о тех процессах, "ответом" на которые она была. Это - переживание заново самой эмоции, ее последующее, вновь-чувствование. Во-вторых, употребление данного слова предполагает, что качество этой эмоции носит негативный характер, т.е. заключает в себе некий посыл враждебности. Наверное, немецкое слово "Groll" больше всего подходит для выражения основной части смысла данного слова. "Grollen" - это блуждающая во тьме души затаенная и независимая от активности "Я" злоба, которая образуется в результате воспроизведения в себе интенций ненависти или иных враждебных эмоций и, не заключая в себе никаких конкретных враждебных намерений, питает своей кровью все возможные намерения такого рода.

I. К ФЕНОМЕНОЛОГИИ И СОЦИОЛОГИИ РЕСЕНТИМЕНТА

Среди сделанных в новейшее время немногочисленных открытий в области происхождения моральных оценок открытие Фридрихом Ницше ресентимента как их источника - самое глубокое, несмотря на всю ошибочность его специального тезиса о том, что христианская мораль, а в особенности христианская любовь, - утонченнейший цветок ресентимента.

"Но *вот* само событие: из ствола того дерева мести и ненависти, еврейской ненависти - глубочайшей и утонченнейшей, создающей идеалы и пересоздающей ценности, ненависти, никогда не имевшей себе равных на земле, - произросло нечто столь же несравненное, *новая любовь*, глубочайшая и утонченнейшая из все родов любви, - из какого другого ствола могла бы она произрасти?... Но пусть и не воображают, что она выросла как прямое отрицание той жажды мести, как противоположность еврейской ненависти! Нет, истинно как раз обратное! Любовь выросла из этой ненависти, как её крона, как торжествующая, всё шире и шире раскидывающаяся в чистейшую лазурь и солнечную полноту крона, которая тем порывистее влеклась в царство света и высоты - к целям той ненависти, к победе, к добыче, к соблазну, чем глубже и вожделеннее впивались корни самой ненависти во всё, что имело глубину и было злым. Этот Иисус из Назарета, как Воплощенное Евангелие любви, этот "Спаситель", приносящий бедным, больным, грешникам блаженство и победу, - не был ли он самим соблазном в наиболее жуткой и неотразимой его форме, соблазном и окольным путём, ведущим именно к тем *иудейским* ценностям и обновлениям идеала? Разве не на окольном пути этого "Спасителя", этого мнимого противника и отменителя Израиля достиг Израиль последней цели своей утонченной мстительности?" (Генеалогия морали, 1 раздел, 8 фрагмент).

"Восстание рабов в морали начинается с того, что *ressentiment* сам становится творческим и порождает ценности: *ressentiment* таких существ, которые не способны к действительной реакции, выразившейся бы в поступке, и которые вознаграждают себя воображаемой мстостью. В то время как всякая преимущественная мораль произрастает из

торжествующего самоутверждения, мораль рабов с самого начала говорит Нет 'внешнему', 'иному', 'несобственному': *это* Нет и оказывается её творческим деянием. Этот поворот оценивающего взгляда - это *необходимое* обращение вовне, вместо обращения к самому себе - как раз и принадлежит к "*ressentiment*": мораль рабов всегда нуждается для своего возникновения прежде всего в противостоящем и внешнем мире, нуждается, говоря физиологическим языком, во внешних раздражениях, чтобы вообще действовать, - её акция в корне является реакцией." (1 раздел, 10 фрагмент)

"- 'Я ничего не вижу, но я тем больше слышу. Это вкрадчивый, коварный, едва различимый шепот и шушуканье во всех углах и закоулках. Мне кажется, что здесь лгут; каждый звук липнет от обсахаренной нежности. Слабость следует перелгать в *заслугу*, это бесспорно - с этим обстоит так, как Вы говорили', -

- Дальше!

- 'а бессилие, которое не воздает, - в "доброту"; трусливую подлость - в "смирение"; подчинение тем, кого ненавидят, - в "послушание" (именно тому, о ком они говорят, что он предписывает это подчинение, - они именуют его Богом). Безобидность слабого, сама трусость, которой у него вдосталь, его попрошайничество, его неизбежная участь быть всегда ожидающим получает здесь слишком ладное наименование - "терпение", она столь же ладно зовётся *добродетелью*; неумение отомстить за себя называется нежеланием мстить, может быть, даже прощением ("ибо *они* не ведают, что творят, - только мы ведаем, что *они* творят!"). Говорят также о "любви к врагам своим" - и потеют при этом!." - (1 раздел, 14 фрагмент).

Это наиболее важные места, в которых Ницше развивает свой странный тезис. Оставим пока в стороне отношение ресентимента к христианским ценностям, чтобы глубже проникнуть в обозначаемое этим словом *переживание*.

Вместо дефиниции дадим краткое предметное описание, предметную характеристику. Ресентимент - это *самоотравление души*, имеющее вполне определенные причины и следствия. Оно представляет собой долговременную психическую установку, которая возникает вследствие систематического запрета на выражение известных душевных движений и аффектов, самих по себе нормальных и относящихся к основному содержанию человеческой природы, - запрета, порождающего склонность к определенным ценностным иллюзиям и соответствующим оценкам. В первую очередь имеются в виду такие душевные движения и аффекты, как жажда и импульс мести, ненависть, злоба, зависть, враждебность, коварство.

Важнейший исходный пункт в образовании ресентимента - импульс *мести*. Само слово "ресентимент" указывает, как уже говорилось, на то, что названные душевные движения строятся на предшествующем схватывании чужих душевных движений, т.е. представляют собой ответные реакции. Таким реактивным движением и является импульс мести, в отличие от активных и агрессивных импульсов дружелюбной или, наоборот, враждебной направленности. Каждому мстительному импульсу должно предшествовать нападение или оскорбление. Важно подчеркнуть, что импульс мести вовсе не совпадает с побуждением к ответному удару или к защите, даже если эта реакция сопровождается гневом, яростью или негодованием. Если, например, животное, подвергшееся нападению, кусает того, кто на него напал, это нельзя назвать мстью. Прямой удар в ответ на пощечину - тоже не мсть. Две особенности существенны для квалификации акта как мести: моментальное или длящееся определенное время *торможение* и сдерживание непосредственно возникающего ответного импульса (а также связанных с ним побуждений гнева и ярости) и обусловленный этим перенос ответной реакции на другое время и до более подходящей ситуации ("ну погоди, в другой раз!"); это торможение вызывается опережающей мыслью о том, что непосредственная ответная реакция приведет к поражению, и ясным чувством "немощи", "*бессилия*", связанным с этой мыслью. Следовательно, мсть уже сама по себе - чувство, возникающее из переживания бессилия, так что она всегда - удел человека, в каком-либо отношении "слабого". Наконец,

в сущность мести всегда входит сознание того, что она "за что-то", т.е. она никогда не представляет собой просто сопровождаемую эмоциями ответную реакцию.

В силу этих двух особенностей импульс мести является самым подходящим отправным пунктом для формирования ресентимента. Наш язык тонко различает это. От желания мести через злобу, зависть и недоброжелательство к коварству - таков прогресс чувств и импульсов, вплотную подводящий к ресентименту. В случае жажды мести и зависти есть ещё определенные объекты этих модусов враждебного отрицания. Им нужен определенный повод, чтобы появиться, их направленность зависит от определенных объектов, так что они исчезают вместе с устранением этого повода. Удавшаяся месть утоляет жажду мести точно также, как и наказание того, на кого нацелен импульс мести, например, самонаказание, искреннее прощение; зависть тоже исчезает, если блага, из-за которых я кому-то завидую, становятся моими собственными. Недоброжелательность, напротив, - это уже установка, связанная с определенными объектами в другом смысле. Она не возникает по определенным поводам и не исчезает вместе с ними. Она скорее *выискивает* в вещах и людях те объекты и ценностные моменты, которые могут её удовлетворить. Свержение с пьедестала и унижение, выпячивание негативных ценностных моментов в вещах и людях, которые и заметны-то лишь потому, что встречаются вместе с явно выраженными позитивными ценностными моментами; концентрация на негативных моментах, сопровождаемая острым чувством наслаждения, - все это становится устойчивой *формой* протекания переживаний, в которой могут найти себе место самые разнообразные материи. В этой форме или структуре у недоброжелательного человека *формируется* его конкретный жизненный опыт. Структура сама выбирает отдельные элементы жизненного опыта из всего возможного опыта жизни, выделяя их как действительные. Так что недоброжелательная установка - это уже не просто следствие такого рода опыта; опыт формируется совершенно независимо от того, имеет ли объект недоброжелательства прямое или косвенное отношение к возможному ущербу или пользе для данного индивида, содействует ли он ему или мешает. В случае "коварства" ниспровергающий импульс погружается внутрь личности еще глубже и как бы в любой момент готов вырваться наружу и выдать себя в произвольном жесте, манере смеяться и т.д. Схожий путь пролегает от обычного "злорадства" к "злобе"; последняя пытается найти все новые и новые возможности позлорадствовать и уже выказывает себя более независимой от *определённых* объектов, чем злорадство.

Между тем всё это - не ресентимент. Это лишь стадии в становлении его отправных пунктов. Жажда мести, зависть, недоброжелательность, коварство, злорадство и злоба только там вступают в процесс формирования ресентимента, где не происходит ни нравственного преодоления (в случае мести, например, искреннего прощения), ни действия и, соответственно, адекватного отображения душевного движения во внешних проявлениях, например, ругательствах, размахивании руками и т.д.; и где это не происходит потому, что такое действие или выражение сдерживается еще более очевидным сознанием собственного *бессилия*. Мститель, чувством подвигнутый на действие и мстящий; ненавистник, наносящий вред противнику, осыпаящий его руганью при других, или хотя бы высказывающий ему "свое мнение"; завистник, пытающийся получить то, чему он завидует, путем работы, обмена, преступления и силы, - все они не впадают в ресентимент. Только там существуют условия для его возникновения, где особая сила этих аффектов идет рука об руку с чувством бессилия от невозможности претворить их в поступки, и поэтому их "сдерживают, закусив губу", - из-за физической или духовной слабости, из страха и трепета перед тем, на кого направлены аффекты. Почва, на которой произрастает ресентимент, - это прежде всего те, кто *служит, находится под чьим-то господством*, кто понапрасну прельстился авторитетом и нарвался на его жало. Там, где он обнаруживается у кого-то другого, либо имел место перенос посредством психического заражения (речь идет о тех, кто особенно подвержен

воздействию необыкновенно прилипчивой отравы ресентимента), либо в самом человеке есть насильственно подавленное влечение, выход которому дал ресентимент и которое теперь проявляется в форме "озлобления" и "отравления" личности. Если слуга, с которым плохо обошлись, позволит себе "выругаться в прихожей", он не впадет в ту внутреннюю "ядовитость", что свойственна ресентименту; но это произойдет, если он должен будет делать "хорошую мину при плохой игре" (как это пластично выражает поговорка), затаив в себе отрицательные, враждебные аффекты.

Проследим более подробно различные отправные пункты формирования ресентимента.

Импульсы мести ведут к формированию ресентимента тем скорее, в чем большей мере жажда мести становится собственно *страстью к мщению, мстительностью*, чем больше направленность мстительного импульса смещается на неопределенный круг объектов, которые имеют лишь одну известную общую особенность, чем меньше жажда мести утоляется в процессе мщения одному определенному объекту. Чувство мести, долгое время не удовлетворившееся, может привести к внутреннему надлому и даже смерти, особенно если сознание собственной "правоты", связанное с местью уже по самой своей природе (но отсутствующее, к примеру, во взрывах ярости и гнева), переходит в чувство "долга". Если мы имеем дело с мстительностью, то инциденты, которые могли бы дать повод к акту мести, высскиваются прямо-таки инстинктивно (без осознанного волевого акта), а оскорбительные намерения усматриваются путем самообмана в любых поступках и высказываниях окружающих, которые отнюдь не имели в виду никакого оскорбления. Часто симптомом мстительного характера является особая "ранимость". Мстительность подыскивает лишь удобный случай, чтобы вырваться наружу, хватаясь буквально за все, что годится для мести. Однако мстительность тем скорее ведет к формированию ресентимента, чем дольше *откладывается* мщение, которое должно привести к восстановлению оскорбленного чувства собственного достоинства или поруганной "чести", либо компенсировать нанесенный вред, еще скорее, если вытесняется *продукт фантазии*, связанный с местью, и совсем скоро, если вытесняется само побуждение к мести. Только тогда к этому *состоянию* присоединяется тенденция к ценностной девальвации другого человека, посредством которой иллюзорно снимается напряжение.

Такого рода условия выполняются полнее всего, когда вступают в силу следующие факторы.

Суть мстительного чувства заключается в том, что, возникнув благодаря подавлению по причине бессилия первого ответного импульса, оно имеет тенденцию к длительной отсрочке и вытеснению. Это выражено в поговорке: "местью лучше всего наслаждаться, когда уже остыл". Вот почему месть - *ceteris paribus* - всегда позиция более слабой стороны. Но для чувства мести существенно и то, что оно как бы *уравнивает* оскорбленного и оскорбившего. Раб, по природе являющийся рабом или чувствующий и сознающий себя рабом, не испытывает *никакого* чувства мести, когда хозяин оскорбляет его; точно также - и распекаемый слуга-подхалим, и ребёнок, получающий затрещину. Наоборот, высокие, сдерживаемые втуне притязания, гордыня, не соответствующая внешнему статусу, особенно благоприятны для пробуждения чувства мести. С социологической точки зрения, отсюда следует важный вывод: этого душевного динамита образуется тем больше, чем больше *разрыв* между политическим и правовым (конституционным или соответствующим "обычаю") положением, а также публичной значимостью групп - и их *фактическим* отношением к власти. Роль играет не какой-то один из этих факторов, а разрыв между ними. В условиях не только политической, но и социальной демократии, стремящейся к имущественному равенству, по крайней мере социальный ресентимент не может разрастись до крупных размеров. Но он не должен быть большим - и на самом деле не был, - например, при кастовом устройстве общества, как оно существовало в Индии, или в чётко структурированном сословном обществе.

Максимально сильный заряд resentment должен быть в таком обществе, где, как у нас, почти равные политические права и, соответственно, формальное, публично признанное социальное равноправие соседствует с огромными различиями в фактической власти, в фактическом имущественном положении и в фактическом уровне образования, т.е. в таком обществе, где каждый имеет "право" сравнивать себя с каждым и "не может сравниться реально". Здесь совершенно независимо от индивидуальных характеров и переживаний в самой *структуре социальности* заложен мощный заряд resentment, с которым обществу придется считаться.

С этим фактором сочетается другой, благодаря которому мстительное чувство тем скорее переходит в resentment, чем более оно становится длящимся состоянием, непрерывно ощущаемым как неподвластное воле состояние "оскорбленности"; в чем большей мере оскорбление воспринимается как *судьба*. Самый яркий пример тому - случаи, когда человек или группа видят нечто, достойное отщепенца, уже в самом своём *существовании* и бытии-таким-как-оно-есть. Это бывает у индивидов, имеющих дефекты телосложения, особенно если те бросаются в глаза, а также при нарушении природных способностей. Resentment калеки типичен; то же самое имеет место при отставании в развитии и слабоумии. Чудовищный еврейский resentment, как справедливо замечает Ницше, питается из двух источников: с одной стороны, это сочетание чрезвычайной национальной гордости евреев ("избранный народ") с презрением и гонениями, которые веками воспринимались как судьба; с другой стороны, в последнее время это еще более сильное сочетание формального конституционного равноправия с фактической дискриминацией. Особая тяга этого народа к приобретательству и наживе, несомненно, является (наряду с факторами, обусловленными природными задатками и другими причинами) следствием уязвленности еврейского самолюбия, - черты, ставшей конституциональной; эта тяга - сверхкомпенсация за недостающее социальное признание, которое соответствовало бы свойственному нации чувству собственной значимости. Ощущение того, что уже само существование твоей группы и её судьба есть нечто, "взывающее к отщепенцу", стало мощным двигателем активности четвертого сословия. Чем более фатальным кажется долгое социальное угнетение, тем менее оно способно высвободить силы для практического изменения этого состояния и тем менее ему содействует; но тем скорее оно вырождается в лишённую позитивных целей *критику* всего существующего. Особое свойство "критики", которую можно назвать "resentmentной", заключается в том, что всякая помощь в устранении состояния, воспринимаемого как отягчающее, не приносит удовлетворения (в противоположность тому, как это бывает при любой критике с позитивными целями), но, наоборот, вызывает раздражение, ибо парализует удовольствие от пустой ругани и отрицания. О многих наших политических партиях можно сказать, что нельзя раздосадовать их сильнее, чем *осуществив* их программные требования, или помешав им гордиться собственным "принципиальным оппозиционерством" путем привлечения к позитивному сотрудничеству в практической государственной работе. "Resentmentную критику" отличает как раз то, что на самом деле она вовсе не "желает" того, что выдает за желаемое; она критикует не для того, чтобы устранить зло, а лишь использует зло как предлог, чтобы высказаться. Кто не знает депутатов парламента, чья критика безоговорочна и безмерна именно потому, что они знают: министрами им никогда не стать? Где такая *робость* перед властью - в противоположность *воле* к власти - становится конституциональной, критикой движет resentment. И наоборот, опыт показывает, что у политической партии легче всего вырвать жало, предложив ей позитивное сотрудничество в государственных делах.

Второй отправной пункт в формировании resentment образуют *зависть, ревность и стремление к конкуренции*. "Зависть" в обычном смысле слова возникает из чувства бессилия, которое стоит на пути стремления к обладанию вещью, потому что ею обладает другой. Однако напряжение между этим стремлением и этим бессилием

приводит к зависти лишь там, где оно разряжается в акте ненависти или в формировании установки ненависти по отношению к обладателю данной вещи; где, следовательно, в результате самообмана другой человек и та вещь, которой он обладает, воспринимаются и переживаются нами как *причина* нашего (приносящего страдания) необладания этой вещью. Благодаря самообману, который наше бессилие овладеть вещью выдает нам за позитивную силу, направленную "против" нашего стремления к обладанию, начальное напряжение несколько ослабевает. Без переживания этого бессилия, как и без описанного выше каузального заблуждения, не может быть настоящей зависти. Простое нежелание, чтобы другой человек обладал вещью, к которой стремлюсь я, - это еще не зависть; оно служит мотивом для приобретения этой или такой же вещи каким-нибудь способом, например, ее можно заработать, купить, украсть, отнять силой. *Зависть* рождается только там, где попытка достать вещь этими способами не удалась и где появилось сознание собственного бессилия. Вот почему зависть нельзя ставить в один ряд с другими душевными началами (стяжательством, властолюбием, тщеславием) как движущую силу развития цивилизации. Зависть не напрягает, а ослабляет волю к приобретательству. И опять-таки зависть приводит к формированию ресентимента только там, где речь идет о ценностях и благах, которые по самой их природе *нельзя приобрести*, и лишь тогда, когда таковые попадают в поле нашего сравнения - в сферу, где наше внутренние изменения происходят через сравнение себя с другими. Самая бессильная зависть - это в то же время самая ужасная зависть. Поэтому зависть, ведущая к формированию наиболее сильного ресентимента, - та, что направлена на индивидуальную *сущность* и *бытие* другой личности: *экзистенциальная зависть*. Она словно беспрестанно нашёптывает: "Всё я тебе могу простить; только не то, что ты существуешь и что ты есть существо, которое ты есть; только не то, что не я есть то, что есть ты; что 'Я' не есть 'Ты'!" Такая зависть с самого начала словно бы лишает другую личность права на существование, которое воспринимается как "гнет", "вызов", умаление до ничтожных размеров собственной личности. В жизни великих людей легче найти кризисные времена, когда любовь и зависть по отношению к другим людям, наделенным выдающимися достоинствами, вновь и вновь сменяли друг друга, и лишь через некоторое время что-то одно брало верх и укреплялось. Именно эту ситуацию имел в виду Гёте, когда говорил: "Против превосходства другого нет иного спасительного средства, кроме любви". В отношении Антонио к Тассо в третьем действии второго акта он как раз и рисует такое переменчивое состояние. Между Марио и Суллой, Цезарем и Брутом разыгрывается то же самое. Помимо этих всё же достаточно редких случаев экзистенциальной зависти, существуют более или менее распространенные, прежде всего врожденные, естественные и характерные свойства индивидов и групп, которые обычно вызывают ресентиментную зависть: красота, высокий статус расы, передаваемые по наследству ценные черты характера; такая зависть сильнее, чем зависть к чужой собственности, сословной принадлежности, к имени, чести. Именно для этих видов зависти характерно иллюзорное обесценивание позитивных ценностей, вызывающих зависть. Но об этом речь пойдет ниже.

Во всех перечисленных случаях происхождение ресентимента связано с особым рода установкой на *ценностное сравнение* самого себя с другими, которое нуждается в отдельном небольшом исследовании. Мы постоянно сравниваем нашу собственную ценность вообще или какое-нибудь из наших качеств с ценностными качествами других людей; такие сравнения делает каждый - благородный и подлый, добрый и злой. Тот, кто выбирает себе за образец, скажем, "героя", каким-то образом зависит от этого ценностного сравнения. Всякого рода ревность, честолюбие насквозь пронизаны такими сравнениями, но не является исключением и позиция, например, того, кто считает себя "последователем Христа". Мы не можем согласиться с Г.Зиммелем, когда он, определяя аристократизм, благородство, утверждает, что благороден тот, кто не сравнивает себя и собственную ценность с другими, "отвергает любое сравнение". Кто отвергает любое сравнение, тот не

благороден, а один из "оригиналов" Гёте, "своенравный шут" - если не сноб! Но Зиммель, несомненно, подметил нечто очень верное. Каждое "сравнивающее сознание" может реализоваться разными способами. Остановимся на двух из них. В первом случае элементы отношений схватываются по отдельности в особых перцептивных актах уже *до* и независимо от процесса сравнения, либо как внезапно возникшее отношение "подобия", "одинаковости" и т.д. (без всякой предварительной сравнивающей деятельности). Во втором случае, *наоборот*, элементы отношений даны лишь благодаря тому, что наполняют собой *неопределенные* основания заранее схваченных одноэлементных или вообще пустых отношений. При этом отношения между двумя коррелятивными элементами (например, цветами, звуками, лицами и т.д.) задают именно феноменально установленные факты при наличии хотя бы одного элемента, как, например, в случае, когда мы уловили определенное сходство чьего-то лица с другим, которое мы не можем себе еще представить, но лишь пытаемся отыскать в памяти. Корреляционное сознание как простых, так и сложных содержаний определяет появление в сознании другого содержания. Вообще, на феноменальном уровне можно обнаружить даже пустые коррелятивные переживания, которые мы осознаем лишь благодаря тому, что соответствующие содержания заполняют еще не занятые места уже данных нам и квалифицированных нами отношений. Это различие существенно. То, что Зиммель называет позицией "благородства", состоит в том, что ценностно-сравнивающее "измерение" моей ценности и ценности другого человека никогда не становится основополагающим *условием* для постижения моей собственной ценности и ценности другого и что это измерение никогда не ограничивает и не подвергает содержательной селекции те ценности, которые постигаются мной и другим. Благородный человек имеет совершенно наивное, нерелефлексивное, смутное, непрерывно наполняемое в каждый момент сознание собственной ценности и полноты своего бытия, словно он сам по себе, независимо ни от чего укоренен в универсуме. Это сознание вовсе не есть "гордость" - результат пережитого *уменьшения* "наивного" представления о собственной ценности и ее особой искусственной "фиксации" в акте рефлексивного постижения и "сохранения". Именно естественное чувство собственного достоинства, сопровождающее "благородного человека", как тонус - мускулы, позволяет ему спокойно вбирать в себя все многообразие содержаний и форм позитивно ценного, которое есть в других людях, и "желать" им того же - свободно и щедро, без тени зависти. Сознание, что в универсуме позитивно ценного еще *больше*, наполняет "благородного человека" радостью и делает мир в его глазах еще более достойным любви, чем прежде. Чувство собственного достоинства, свойственное "благородному человеку", не "складывается" из особых чувств, основанных на ценности его отдельных качеств, способностей, дарований; оно составляет скорее саму его *сущность* и *бытие*. Именно поэтому, сравнивая, он может спокойно констатировать, что другой "превосходит" его в том или ином "качестве", в той или иной "способности", да и вообще - во всех способностях. Это нисколько не умаляет прирожденного чувства ценности собственного бытия, которое не нуждается в том, чтобы его доказывали и оправдывали какими-то успехами или способностью их добиваться, а в крайнем случае может быть лишь ими "проверено". Напротив, глубинный корень "подлости" (в точном смысле слова) заключается в том, что ощущение собственного достоинства и достоинства другого *основано только на* схватывании отношения *между* собственной ценностью и ценностью другого, а также в том, что вообще ясно осознаются только те качества, которые представляют собой "возможные" дифференцирующие значения между собственной ценностью и ценностью другого. "Благородному человеку" ценности даны в переживании *до* сравнения; подлый переживает их впервые лишь *в* сравнении и через его *посредство*. Таким образом, у "подлого" структура "соотношение собственной ценности с ценностью другого" становится своего рода селективным условием его ценностного познания вообще. Он не может постичь ценность другого человека, не увидев в нем чего-то "более высокого" или "более низкого", чего-то "большего" или "меньшего" по

сравнению с собственной ценностью, т.е. не *измеряя* других самим собой и самого себя другими.

На общем фундаменте такой установки строятся еще два человеческих подтипа, которые различаются в зависимости от того, связана ли эта установка с силой или слабостью, с властью или ее отсутствием. Разновидность "подлю" оценивающего типа, сопряженная с силой, - это честолюбец, "*карьерист*"; сопряженная со слабостью - *ресентиментный тип*.

"Карьеристом" мы называем не того, кто энергично и всеми силами стремится к власти, собственности, почестям и другим высоко ценимым благам. До тех пор, пока такой человек занят самим существом "дела", которое представляет и продвигает по роду своей профессиональной деятельности, он не заслуживает того, чтобы так называться. "Карьеристом" является скорее тот, у кого на первый план вышло желание быть и значить больше по сравнению с другими людьми, отодвинув на второй план значимость профессии; тот, для кого любое "дело" - всего лишь одинаково безразличный повод освободиться от угнетающего чувства "меньшей" значимости по сравнению с другими, которое неизбежно возникает при такой установке на сравнение.

Если этот тип познания ценностей становится господствующим в *обществе*, то ядром такого общества оказывается "*система конкуренции*". Она существует в тем более чистом виде, чем меньше сравнение ограничивается определенными сферами, например, сословиями, и соответствующими сословиям развлечениями, образом жизни, обычаями и т.д. Средневековый крестьянин, живший до XIII века, не сравнивал себя со своим господином, ремесленник не сравнивал себя с рыцарем и т.д. Крестьянин равнялся в лучшем случае на более богатого или уважаемого крестьянина - и точно так же дело обстояло у всех: сравнение происходило только внутри *собственной* сословной сферы. У каждого сословия был свой круг жизненных задач, связанный со спецификой его деятельности, и эта идея особой жизненной задачи, присущая группе как таковой, удерживала сравнивающее восприятие в рамках отдельных общностей. Если последние между собой и сравнивались, лишь как групповые единства. Поэтому в такие эпохи все отношения жизни пронизывает идея о данном Богом и природой "месте", на котором каждый человек призван исполнить свой особый долг. Ценности человека и его жизненные запросы формируются только в сфере значимости этого места. Каждый - от короля до шлюхи и палача - занимает формально "благородную" позицию, с точки зрения которой он на своем "месте" незаменим. Напротив, в "системе конкуренции" идеи жизненных задач и их значимости вырабатываются в принципе только *на основе* желания быть и значить больше через сравнение всех со всеми другими. Любое "место" становится всего лишь транзитным пунктом в этой всеобщей погоне за "больше-значимостью". Причем, внутренняя *безграничность* стремления является следствием упразднения некогда существовавшей содержательной и ценностно-качественной обусловленности стремления. Одновременно эта структура ценностного познания приводит к первичности восприятия вещных благ как "товаров", т.е. меновых объектов, выражаемых в денежной стоимости. Вместе с тем она ведет к восприятию временного течения жизни (как индивидов, так и сообществ) в форме "прогресса"; к этой форме восприятия присоединяются специфические "прогресситские устремления". Если раньше конечной целью реализации какого-нибудь экономически обусловленного мотива, образующего феноменальное единство переживания (неважно, крупное или малое), было "обладание собственностью" и "наслаждение" какой-либо качественно определенной вещью, в силу этого представляющей собой ценность, а деньги были только промежуточной целью (средством обмена), то теперь "конечным пунктом" такого процесса становится определенное количество денег, а качество вещи, наоборот, делается "промежуточной целью". Вместо прежней мотивации, имевшей структуру "товар - деньги - товар", появляется мотивация со структурой "деньги - товар - деньги" (К.Маркс). Наслаждение

“качеством”, конечно, не прекращается, но это наслаждение - да и сама его возможность - все больше реализуется лишь в границах благ, воспринимаемых *первично* как товары.

В акте восприятия ценностей, заключенных в отдельных *жизненных фазах*, взятых вообще и конкретно-индивидуально (детство, юность, зрелость, старость), теперь также схватывается лишь тот особый их аспект, в свете которого каждая из фаз обладает *большей* ценностью, чем другая, и ни одна из них не имеет своей собственной ценности и самобытного смысла. Идеи "прогресса" и "регресса" устанавливаются теперь не эмпирически, по жизненным фазам, пережитым сначала в их самобытном содержании, они становятся активными формами понимания самого себя, других людей и истории. Ж.-Ж.Руссо был первым, кто выступил против педагогического учения, которое считало детство и юность всего лишь формами, предваряющими зрелость. Л. фон Ранке впервые противопоставил ребячески-прогрессистскому либеральному пониманию истории свои блестящие аргументы: "Такое, с позволения сказать, промежуточное поколение как бы ничего не значит само по себе; оно не состоит в прямом отношении с божественным и может хоть что-то значить только как ступень для следующего поколения. Но я утверждаю: каждая эпоха имеет непосредственное отношение к Богу, и ценность поколения состоит отнюдь не в том, что из него народится, а в самом его существовании, в его собственной самости". Отвергаемому здесь взгляду соответствует прогрессистский принцип, согласно которому всяким стремлением и деянием движут не конкретные предметные цели, а руководит желание превзойти данную фазу, поставить "рекорд". Именно оно превращается в основной движущий мотив, а предметные цели, лишь *вторично вырастающие* из этого стремления, предстают как безразличные "промежуточные пункты" на пути прогресса.

Иное дело, когда с установкой на соотносительное оценивание сопряжено *бессилие*. Тогда продуктом гнетущего сознания собственной неполноценности - а оно всегда бодрствует в "подлом" типе ценностного познания - не может быть активное поведение. Между тем, мучительное напряжение требует разрядки. Она происходит в специфической *ценностной иллюзии ресентимента*. В первую очередь сознание собственной большей ценности или равноценности, к которому стремится "подлый человек" и которое снимает напряжение, достигается иллюзорным путем за счет *принижения* ценных качеств объекта сравнения или с помощью выработки особой "слепоты" по отношению к ним; но потом - и здесь мы впервые сталкиваемся с действием собственно ресентимента - оно достигается посредством иллюзорного восприятия и фальсификации *самих ценностей*, в свете которых возможные объекты сравнения вообще могут иметь хоть какую-нибудь позитивную ценность.

В этом месте общеполитический вопрос о проблеме ценностей становится столь существенным для понимания ресентиментной иллюзии, что обойти его никак нельзя. Он касается *основополагающего отношения ценностного сознания и стремления*, желания. Теория, разделяемая многими еще со времен Спинозы, утверждает: слова "хороший" и "плохой" по сути означают не что иное, как "желаемый" ("Begehrt-werden"), "достойный стремления" и, соответственно, "вызывающий отвращение", "противный". Хороший, по Спинозе, означает "желаемый"; соответственно, "желанный", или "могущий быть желаемым" ("Begehrt-werden-koennen") имеет место там, где нет в наличии актуального желания. Таким образом, согласно этому учению, не влечение и отвращение строятся на первичном и фундамирующем его *ценностном сознании* о "чем-либо", а ценностное сознание "есть" не что иное, как осознание желания или возможности желать чего-либо. В другом месте я опроверг эти теории самым детальным образом. Здесь следует лишь заметить, что сама эта теория является чистым продуктом ресентимента и в то же время описанием ресентимента. Фактически в любом стремлении наглядно содержится лежащее в его основе ценностное сознание, которое реализуется в чувствовании соответствующих ценностей, в их "предпочтении" и т.д. Но возможно и появление *ценностной слепоты*, или *ценностной иллюзии* по отношению к тем ценностям, достичь которые данный

субъект оказывается не в состоянии. Принижение ценностей или *тех* ценностей, которые таковыми считаются, до уровня собственного фактического желания или собственной способности желать - в противоположность сознательному акту "отречения" от этих ценностей; стало быть, ограничение ценностного сознания *собственным данным от природы уровнем* влечения - вместо соотнесения этого уровня с масштабом воспринятых в чистом виде ценностей; иллюзорное деление ценностей на "высокие" и "низкие" соразмерно структуре собственных желаний и волевых целей - всё это не есть (вопреки тому, что говорит данное учение) процесс, в котором реализуется нормальное и предметно осмысленное ценностное сознание, а прямо наоборот - главный источник слепоты, заблуждений и иллюзий ценностного сознания. Именно акт "отречения" как раз и доказывает, что ценностное сознание не должно растворяться в способности стремления. Если сознание того, к чему именно *мы в состоянии* стремиться, ограничивает наше *ценностное* сознание - как, например, в старости по отношению к ценностям, к которым может стремиться только молодость, - или если предметное содержание наших стремлений накладывается на содержание нашего ценностного сознания, то в принципе уже начался процесс принижения всех ценностей до нашего фактического состояния, естественным концом которого является дискредитация мира и всех его ценностей. Только своевременный акт "отречения" освободит нас от этой тенденции к самообману, только он позволит нам "не завидовать" тогда, когда "стремиться" мы уже не способны. Доказательством того, что наше ценностное сознание *не зависит* от желания и от способности желания, служит и следующее: извращенные желания (например, извращения инстинкта питания, полового влечения, сладострастное стремление к боли и страданиям и т.д.) не обязательно сопровождаются извращением *ценностного* сознания. Как свидетельствуют Рибо и другие, в период, когда извращения только возникают, чувства еще нормальны. Например, "отвратительное" блюдо все ещё вызывает отвращение, хотя возникает импульс "съесть". Лишь позднее "чувства медленно следуют за влечением" (Рибо); но и тогда за ним ещё не обязательно следует ценностное сознание. Никаких "извращений ценностного чувства", которые бы соответствовали извращениям влечений, вовсе нет, а есть лишь *иллюзии и заблуждения* ценностного чувства: это вытекает из познавательной природы самого "чувства" и "предпочтения".

Поэтому феноменологическое своеобразие ценностного заблуждения, вызванного resentimentом, та особенность внутренней диспозиции, возникающая у человека, который, стремится "дискредитировать" давящие на него чуждые ценности, состоит не в том, что последние вообще не даны ему в переживании как "позитивные", "высокие", или что их вовсе "нет" в его переживании. Тогда о "заблуждении" не было бы и речи. Это своеобразие заключается также не в том, что человек, хотя и переживает их сообразно их природе, однако выносит им ложный, т.е. противоречащий пережитому, приговор. Это было бы "ошибкой" или обманом. Если попытаться описать искомую внутреннюю диспозицию, то она будет выглядеть примерно так: ценности ещё даны субъекту как позитивные и высокие, но они словно *покрыты* иллюзорными ценностями, как бы слабо "просвечивают" сквозь них. Это "просвечивание" истинных, объективных ценностей сквозь противопоставляемые им resentimentной иллюзией ценности мнимые, это смутное сознание того, что живёшь в каком-то неподлинном *кажущемся мире*, будучи не в силах вырваться из него и увидеть то, что *есть на самом деле*, - вот неотъемлемая составная часть всего комплекса переживаний.

Каким способом и в какой мере формируется resentiment в группах и индивидах - это, как уже говорилось, в первую очередь связано с природными способностями соответствующего человеческого материала и во вторую - с социальной структурой общества, в котором эти люди живут. Причем сама социальная структура уже определена наследственными природными способностями господствующего типа человека и структурой его ценностного переживания. Так как resentiment никогда не может образоваться без специфического чувства бессилия - бессилия в каком-либо одном из

бесконечного множества отношений - то в конечном счёте он представляет собой одно из проявлений "нисходящей жизни". Наряду с этими общими условиями формирования ресентимента существуют, однако, и определенные *ресентиментные типы*, которые не зависят от разновидностей индивидуальных характеров индивидов, так как имеют своё основание в известных, типично повторяющихся человеческих "ситуациях". Я не говорю, что каждый индивид, который находится в этих "ситуациях", *обязательно должен* впасть в ресентимент. Это было бы крайне глупо. Но я утверждаю, что эти "ситуации" за счёт своего *формирующего характера* как бы *заряжены* некоторой дозой "опасности впасть в ресентимент", несмотря на индивидуальные характеры вовлеченных в них людей.

В такой "ситуации" находится более слабая, поэтому более мстительная *женщина*, вынужденная вследствие своих личных, не поддающихся изменениям качеств постоянно вести конкурентную борьбу со своими подругами за расположение мужчин. Не удивительно, что самые мстительные божества (например, змеиное отродье Эвменидов) появились при господстве женщин в эпоху матриархата. В "Эвменидах" Эсхила пластично и наглядно предстаёт исцеляющая от ресентимента сила божеств новой мужской культуры - Аполлона и Афины. Вероятно, здесь же кроются причины того, что у такой фигуры, как "ведьма", нет аналога мужского пола. Сильная склонность женщин к распространению дискредитирующих сплетен как форма высвобождения соответствующих аффектов - это одновременно и свидетельство ресентимента и своего рода самоисцеление. Но опасность ресентимента особенно велика для женщины потому, что природа и нравы предписывают ей как раз в области её главного жизненного интереса - любви к мужчине - реактивную и пассивную роль *объекта домоганий*. Если вообще импульсы мести, рождённые обидами и оскорблениями в эротически-половой сфере, куда более подвержены вытеснению, нежели другие импульсы мести (ведь их нельзя высвободить иначе, например, путем "сообщения", ибо стыд и гордость не позволяют высказывать упреки; для них нет такого "суда", который мог бы принести "удовлетворение" и т.д.), то у женщины - это вдвойне, потому что повышенная стыдливость и нравы навязывают ей большую сдержанность. Именно поэтому "старая дева", у которой подавлены инстинкты нежности, полового влечения и продолжения рода, редко бывает вполне свободна от яда ресентимента. То, что мы называем "чопорностью" - в противоположность подлинному стыду - есть, вообще говоря, лишь особая форма полового ресентимента, чрезвычайно богатого на разновидности. Постоянное выискивание в своем окружении всего, что имеет отношение к сексу, ставшее для многих старых дев установкой, - выискивание для того, чтобы высказать по этому поводу жесткую негативную оценку, - это лишь превращённая ресентиментная форма полового удовлетворения. Здесь критика *сама совершает* то, что якобы презирает. Вошедшая в поговорки "чопорность" англо-американской половой морали есть следствие того, что в этих давно и высоко индустриализированных странах от имени женщин выступают и вещают такие особы, которые, вероятно благодаря отбору по унаследованному капиталу, оказываются начисто лишёнными женской привлекательности. Они редко достигают социальных высот за счёт любви и материнства, постоянно оттесняемых "расчетливостью" и утилитаризмом современной цивилизации. Вследствие этого чистый женский тип все более и более "выбрасывается" в проституцию - если, конечно, на его представительницу не снисходит благодать наследства. В то время как чопорность с помощью ресентимента выдает себя за подлинную мораль, в обществе, где суждение уличной девки становится "действующей моралью", наоборот, подлинный стыд из-за ресентимента обесценивается. Тип уличной девки дискредитирует подлинный стыд настоящей женщины, который красив не только в своем выражении, но и в том, что он скрывает, - скрывает же он красоту и нечто, втайне сознаваемое как позитивно-ценное, а не просто "боязнь" обнаружить телесные недостатки или дефекты туалета. То, что этот тип в силу данных ему от природы задатков необразован или многое потерял из полученного ранее образования, с его собственной ресентиментной точки зрения, есть

"продукт воспитания и нравов". Интересно, что к концу XVIII века, особенно во Франции, ресентимент уличной девки не только определял приговор господствующего мнения, но и влиял на теории моралистов и философов.

Ситуацией, всегда заряженной опасностью ресентимента, являются также отношения между *более старым и более молодым поколениями*. Возрастные изменения лишь в том случае приносят внутреннее удовлетворительные и пользу вовне, если в важнейшие переходные моменты своевременно происходит свободное *отречение* от ценностей, специфических для предшествующих возрастных этапов, а независимые от возраста душевные и духовные ценности, вместе с ценностями, специфическими для наступающего возрастного этапа, становятся достаточной заменой тому, что уходит. Лишь в этом случае специфические ценности прошедшего возрастного этапа будут полно и радостно переживаться в воспоминаниях, безо всякой "зависти" к чужой молодости. В противном случае, стараются бежать от "мучительных" воспоминаний о собственной юности, что мешает находить общий язык с более молодыми людьми; одновременно крепнет тенденция отрицания специфических ценностей предшествующего возрастного этапа. Поэтому не удивительно, что "более молодое поколение" должно вести трудную борьбу с ресентиментом более старого поколения.

Однако и этот источник ресентимента подвержен далеко идущим историческим вариациям. В неразвитых культурах старость ценится и почитается за свой опыт и знание того, как сохранить жизнь, и уже одно это способно помешать возникновению ресентимента. Но чем более образованность - посредством книгопечатания, специализированной системы легко доступных средств образования и т.д. - заменяет собой преимущества жизненного опыта, чем легче за счёт этого молодые вытесняют старших из разных мест, из профессий, с работы, тем скорее старшее поколение оттесняется молодым, из господствующего становясь нуждающимся в защите. Чем быстрее "прогресс" завладевает разными областями жизни, а мода стремится охватить всё более *высоко-ценностные* сферы, вплоть до науки и искусства, тем реже старшие поспевают за молодыми, тем выше ценится "новое" как таковое. Всё это вдвойне ускоряется, когда таким изменениям соответствует еще и повышенный жизненный тонус поколения - тогда вместо взаимодействия целых родовых цепочек, вместо деяний, наводящих мосты из одного поколения в другое, появляется стремление "переплюнуть" и конкуренция *между* поколениями. "Каждый собор, - пишет В.Зомбарт, - каждый монастырь, каждая ратуша, каждый замок средневековья служат свидетельством этого преодоления возраста отдельного человека: их возведение переходит из рода в род, словно люди думают, что будут жить вечно. С тех пор, как индивидуум вырвал себя из сообщества, превосходящего его по длительности существования, *его* продолжительность жизни стала масштабом его наслаждений". Отсюда - всё более быстрое строительство, примеры которого приводит Зомбарт. Этому же соответствует всё более быстрая смена политических режимов, сопутствующая прогрессу демократического движения. При этом каждая смена кабинета министров или партийного господства в парламенте оставляют после себя целую армию оппозиционеров, не приемлющих ценностей нового режима, которая тем более впадает в ресентимент, чем менее чувствует себя в силах вернуть утраченные посты. "Отправленный на пенсию государственный чиновник" и его окружение - это прямо-таки классическая ресентиментная фигура. Самому Бисмарку, в конце концов, не удалось избежать этой опасности.

Богатый источник ресентиментных типов являют собой всем известные типичные отношения между членами *семей* и партнерами по *браку*. Здесь прежде всего надо упомянуть скорее трагическую, чем смешную фигуру матери супруга, в первую очередь - матери сына, у которой отношения с любимым ребёнком осложняются разностью полов. Как можно, не вытеснив в ресентимент ревнивой ненависти, пережить уход к другой женщине существа, которое ты растила и лелеяла с самого рождения! Его любовь принадлежала только тебе, и вот он покидает тебя ради другой, которая ничего для него

не сделала, но считает себя вправе требовать от него всего, что угодно, командовать и распоряжаться им. А ты должна все это не только терпеть, но и изображать радость, рассыпаться в улыбках, обнимать ненавистную соперницу! Да сам дьявол не придумал бы ничего хитрее, чтобы испытать героя! Поэтому тот факт, что в сказаниях, песнях и анекдотах всех народов мира свекровь предстает в образе злого и коварного существа, не вызывает удивления. В аналогичные ситуации попадают дети, рождённые после первенца-сына, жены, которые старше мужей, и т.д.

На первый взгляд, ресентимент должен быть в первую очередь у *преступника*. Но у преступника его обычно нет, потому что он - активный человеческий тип. Он не вытесняет свои ненависть, зависть, стяжательство, а даёт им выход в преступлении. Ресентимент обнаруживается как основная черта душевной конституции преступника лишь в некоторых разновидностях преступлений, которые можно назвать чистыми злодеяниями, поскольку преступник не извлекает для себя никакой выгоды, но лишь наносит ущерб другому, и которые к тому же требуют минимума действий и минимума риска. Самым чистым представителем такого типа может считаться поджигатель, если мотивы его действий не определяются патологическим возбуждением от созерцания огня (что бывает редко) или корыстным желанием присвоить сумму страховки. Этот тип имеет поразительно устойчивые отличительные признаки. В большинстве случаев это существо тихое, немногословное, застенчивое, ведет себя солидно, враг алкоголя и всякого распутства. Совершаемый преступный акт - почти всегда внезапный прорыв годами вытесняемых импульсов мести и зависти (например, если у него перед глазами долгое время маячит большой красивый дом соседа). К этим же типам относятся известные, в последнее время участившиеся преступные формы выражения классового ресентимента. Так, в 1912 году под Берлином едва удалось предотвратить преступное покушение. В вечерних сумерках между двумя деревьями поперек проселочной дороги была натянута прочная проволока, что неизбежно покалечило или убило бы пассажиров первого же проехавшего по дороге автомобиля. Анонимность жертв, о которых было известно лишь, что они будут ехать в автомобиле, и отсутствие своекорыстного мотива придают этому случаю типичную ресентиментную окраску. Далеко не последнюю роль играет ресентимент и в случаях клеветы.

Среди известных истории типов человеческой деятельности опасность ресентимента меньше всего угрожает *солдату*, больше всего - *священнику*. Об этом справедливо писал Ф.Ницше, не обходясь, правда, без того, чтобы не сделать совершенно недопустимые выпады против религиозной морали. Причины этого достаточно очевидны. "Священник" - тип, который опирается (по крайней мере декларативно) не на земные средства власти; он говорит об их слабости, и в то же время - в отличие от "homo religiosus" - служит вполне реальному институту и участвует в мирских партийных противоборствах. К тому же он больше, чем другие, обязан держать в узде, по крайней мере внешне, свои чувства (мстительные порывы, гнев, ненависть), всюду являя и представляя собой образ и принцип внутреннего "смирения". Эти и другие особенности бытия священника, независимо от индивидуального, национального и прочего характера, делают его жизнь настолько своеобразной, что он - *ceteris paribus* - больше, чем какой бы то ни было иной человеческий тип, подвержен *опасности* ресентиментного яда. Хорошо известная "священническая политика" - побеждать не в борьбе, а через принятые муки, т.е. с помощью ответно-реактивных сил, пробуждаемых картиной страданий у верующих или увлеченных воображением людей, - тоже инспирирована ресентиментом. Ибо насколько мало даже следа ресентимента содержится в подлинных страданиях за веру, настолько же этот душевный *Habitus* руководит политически дискредитированным квазимученичеством священнической политики. Этой опасности нет лишь там, где священник и *homo religiosus* совпадают.

Свою главную на сегодняшний день социальную роль ресентимент играет не столько среди промышленных рабочих - если они не заражены экзистенциальным

ресентиментом известных "вождей", - сколько среди все более и более деградирующего ремесленничества, мелкой буржуазии и мелкого чиновничества. Однако изучение причин этого явления не входит в задачи данного исследования.

Двумя специфически "духовными" разновидностями ресентиментного типа человека я считаю тип "отступника" и (в меньшей степени) "романтическую" душевную конституцию или, по крайней мере, одну из её существенных черт.

"Отступником" называется не тот, кто однажды радикально изменил свои религиозные или иные глубокие убеждения (политические, правовые, философские), даже если это произошло не плавно, а внезапно, в форме скачка. "Отступник" - это скорее человек, для которого новая вера еще не стала духовно первичной, он живет не ее позитивным содержанием в стремлении к осуществлению ею целей, а лишь *борьбой* против старого и ради отрицания старого. Утверждение нового происходит не ради самого нового: оно лишь непрерывная цепь актов мести его собственному духовному прошлому. Оно фактически держит его в своих путах, по отношению к нему новое - лишь точка опоры для отрицания и ниспровержения старого. Поэтому "отступник" как религиозный тип является полной противоположностью "заново рожденному", для которого новая вера и соответствующая ей новая магистраль жизни ценны и важны сами по себе. Ф.Ницше совершенно справедливо считал крайним выражением отступнического ресентимента одно место из Тертуллиана (de spectac. c. 29 ss.), где тот пишет, что главный источник блаженства для попавших на небо заключается в лицемерии римских наместников, горящими в адском огне. Отступнический ресентимент Тертуллиана выражен и в его известном афоризме "credibile est, quia ineptum est, certum est, quia impossibile est - credo, quia absurdum" (de carne ctr.5, praescr.7) — афоризме, радикально резюмирующем его метод защиты христианства, суть которой заключается в беспрерывной мести ценностям античного мира.

Вообще всякий образ мыслей, наделяющий *отрицание* и *критику* творческой силой, втайне питается ядом ресентимента, хотя и в несколько меньшей мере. Ресентиментом пронизан тот тип мышления (для части новейшей философии он стал прямо-таки "конститутивным"), который "данным" и "истинным" считает не очевидное само по себе, а лишь тот X, что утверждает себя в противоположность критике и сомнениям - так называемое "несомненное" и "бесспорное". Таков же, по сути дела, и принцип "диалектического метода", который посредством отрицания А хочет получить не просто не-А, но В (Спинозово "omnis determinatio est negatio"; Гегель). Где люди приходят к своим убеждениям не путем непосредственного общения с самим миром и вещами, но лишь в критике и *через* критику мнений других людей, в результате чего стремление к так называемым "критериям" правильности этих мнений становится важнейшим делом мыслящего таким образом человека, - там именно ресентимент, псевдопозитивные оценки и суждения которого всегда суть скрытые отрицания и девальвации, становится флюидом, обволакивающим и замутняющим процесс мышления. И наоборот, всякая подлинная и плодотворная критика зиждется на постоянном соизмерении чужих мнений с *самой вещью*, а это прямо противоположно принципу, господствующему в ресентиментной критике: считать "самой вещью" только то, что утверждается в ответ на критику.

Тип романтической души в известной мере всегда определяется ресентиментом, правда, в несколько ином смысле. Это происходит постольку, поскольку присущая романтической душе тоска по какой-либо эпохе исторического прошлого (Эллада, средневековье и т.д.) основывается в первую очередь не на притягательности для субъекта самобытных ценностей того времени, а на стремлении убежать из собственной эпохи. Поэтому в его похвалах "прошлому" ощущается намерение принизить настоящее - окружающую субъекта действительность. Если, например, любовь Гёльдерлина к Элладу вполне первична и позитивна, проистекает из глубокой конгенитальности поэта по отношению к сущности эллинской души, то тоска Фридриха Шлегеля по средневековью в значительной мере питается ресентиментом.

При этом формальная структура выражения ресентимента всегда одна и та же: нечто (А) утверждают, восхваляют не ради его собственного качества, а с интенцией - не находящей языковой формулировки - отрицать, порицать, девальвировать нечто иное (В). А "разыгрывают" против В.

Как я уже говорил, именно чрезвычайное напряжение между импульсом мести, ненависти, зависти и их проявлениями, с одной стороны, и бессилием, с другой, приводит к той критической точке, когда эти аффекты принимают "*форму ресентимента*". Другое дело, когда они *получают разрядку*. Например, парламентарные институты, даже там, где они наносят ущерб законодательству и управлению государством, а тем самым и общему благу, все же имеют огромное значение как средство выхода массовых и групповых эмоций такого рода. Аналогичным образом дела обстоят с уголовной юстицией, освобождающей от необходимости мстить, с дуэлью и в известной мере также и с прессой (правда, это еще вопрос - смягчает ли она ресентимент путем публичного выражения мнений или, наоборот, распространяет его). В этих формах выражаются аффекты, которые - не будь такой разрядки - превратились бы в душевный динамит, именуемый ресентиментом. Если же, напротив, разрядке препятствуют, то аффекты претерпевают процесс, который Ницше хотя и не описал в деталях, но совершенно определенно имел в виду и который лучше всего было бы назвать "*вытеснением*". Оно порождает *чувство бессилия*, ясное сознание "немощи", связанное с отвратительным депрессивным переживанием, а также боязнью, страхом, скованностью в выражении эмоций и реализации их в действии. Вытеснение особенно эффективно там, где под постоянным давлением авторитета эти душевные переживания как бы лишаются объекта, и человек сам не может сказать, "чего" же он собственно опасается и боится, "перед чем" он бессилен. Поэтому в данном случае мы имеем дело уже не столько с *боязнью* - она всегда предполагает определённый объект, - сколько с глубоким чувством скованности жизни, называемой "*страхом*", а лучше сказать - "запуганностью", "забитостью", ибо речь не идет о том страхе, который возникает из органических ощущений, как, например, при отдышке и т.п.. Поначалу эти переживания лишь сковывают выражение и проявление аффектов; но затем они вытесняют их из самой сферы внутреннего восприятия, так что индивид или группа перестают осознавать, есть ли у них эти аффекты или нет. Скованность, в конце концов, заходит так далеко, что зарождающийся импульс ненависти, зависти или мести вытесняется еще до того, как перешагнет порог внутреннего восприятия. Между тем, вновь появляющийся аффект как бы притягивается уже вытесненными аффектами, которые структурируют его по собственному подобию. Таким образом, предыдущее вытеснение облегчает последующее и ускоряет дальнейший процесс вытеснения.

В "вытеснении" можно выделить несколько компонентов. Во-первых, это вытеснение представления о предмете, на который сначала был направлен аффект. Например, меня охватил порыв ненависти по отношению к определенному человеку, я прекрасно понимаю причину его поступка, нанесшего мне морально-психологический урон, - теперь из-за него человек для меня невыносим. Но в той мере, в какой порыв "вытесняется" - а это есть нечто иное, чем нравственное преодоление, при котором эмоция и ее направленность ясно осознаются и *действие* сдерживается на основании четкой оценки - аффект все более и более освобождается от определённой "причины" а в конечном счете, и от связи с конкретным человеком. Вначале он распространяется на любые качества, действия, жизнепроявления этого человека, потом на все, что хоть как-то с ним связано - людей, отношения, даже на вещи и ситуации. Аффект "иррадирует" во всех возможных направлениях. Если в определенных условиях он освобождается и от связи с конкретным (ненавистным мне) человеком, то превращается в негативную установку по отношению к определенным *ценностно окрашенным феноменам* - негативную, независимо от того, где и когда они даны, *кто* их носитель, плохо или хорошо ведет он себя по отношению ко мне. Так образуется, например, классовая

ненависть, - этот весьма актуальный для современной жизни феномен. В нем каждое внешнее проявление - жесты, одежда, манера говорить, ходить, вести себя, - обнаруживающее хотя бы намек на принадлежность к известному "классу", сразу вызывает порывы ненависти и мести, в одних случаях, и, соответственно, подобострастие, боязнь и страх в других. При полном же вытеснении формируется универсальный ценностный негативизм. Выражается он во взрывах внезапной ненависти, лишенных, на первый взгляд, каких бы то ни было оснований. За этим кроется неприятие даже самых элементарных вещей, ситуаций, естественных явлений, связь которых с первоначальным объектом ненависти давно разорвана и может быть найдена только в результате сложнейшего анализа. Правда, такие случаи, когда (как мне рассказывал один знакомый врач) некто из-за ненависти не мог прочесть больше ни одной книги, все же ограничиваются областью патологии. На этой стадии вытесняемый аффект переходит вдруг границу внутреннего восприятия сразу во всех незащищенных местах сознания. Иногда при внешне спокойном состоянии духа во время отдыха, работы он неожиданно вырывается наружу в форме беспредметной брани. Как часто выдает себя человек, внутренне одержимый ре resentиментом, внезапным смехом, незначительным с виду жестом, оборотом речи, проскальзывающим вдруг в выражении приятельского расположения или участия! Там, где почти трогательная дружба прерывается вдруг злонамеренным поступком или со злостью брошенными словами, лишенными видимых оснований, становится очевидно, что более глубокий слой жизненных отношений прорывается сквозь поверхность дружеских. Когда апостол Павел учит нас христианскому смирению, соединяя заповедь Иисуса "ударившему тебя по щеке подставь и другую" с метафорой Соломона (самой по себе великолепной), что так-де "собираешь горящие угли на голову врага", бросается в глаза поразительный факт: смирение и любовь к врагу ставятся здесь на службу ненависти! А ведь Иисус понимал их совершенно иначе. Ему не нужна была месть. Свое успокоение он находит в том, чтобы враг испытал глубочайший стыд, проявляющийся во внешних признаках (густом покраснении и т.п.), - т.е. в страдании куда более глубокого уровня, чем тот, на котором переживается боль от ответного удара.

Однако на стадии вытеснения происходит не только расширение первоначального объекта, его перемещение и подмена - *сам аффект*, поскольку ему отказано во внешней разрядке, начинает оказывать воздействие на внутренние процессы. Освободившиеся от своих первоначальных объектов аффекты словно сжимаются в одну сплошную ядовитую массу и образуют очаг воспаления, которое в момент, когда верхний уровень сознания становится проницаемым, начинает распространяться как бы само по себе. Висцеральные ощущения, которые, благодаря вытеснению, оказываются включенными в любой аффект, из-за подавленности периферийного выражения приобретают перевес над ощущениями внешних выразительных движений; а поскольку все они неприятного свойства или даже связаны с болью, появляется болезненное "ощущение тела" в целом. Человек уже не так "охотно" живёт в своей телесной "оболочке". У него появляется то брезгливо дистанцированное и объективированное отношение к собственному телу, которое столь часто служило исходным переживанием для дуалистических систем метафизики (например, неоплатоников, Декарта и т.д.). Аффекты не "состоят из" такого рода висцеральных ощущений, как это утверждает одна известная теория; но последние все же представляют собой существенный компонент ненависти, гнева, зависти, чувства мести и т.п. Правда, качество и направленность включенных в аффект интенций и его импульсивный момент от них не зависят, и висцеральными ощущениями определяется лишь то, как аффект сказывается на физическом состоянии - а это у аффектов величина переменная. Так, при гневe их воздействие намного сильнее, чем, при ненависти и зависти, которые более "духовны". Но часто влияние этих негативных висцеральных ощущений на общее самочувствие и жизнь человека заходит так далеко, что вызывают смену направленности аффективных импульсов. Последние направляются против самого

носителя аффекта, и возникает "ненависть к самому себе", "желание самому себе отомстить", "самобичевание". Ницше пытался объяснить состояние "нечистой совести" нападением зажатого в проявлении своих инстинктов "воинственного человека" на самого себя; такая ситуация может возникнуть, например, когда малый воинственный народ оказывается включенным в большую миролюбивую цивилизацию. Разумеется, это неверно. Так можно объяснить лишь патологическую форму иллюзорного раскаяния, т.е. ложную интерпретацию направленного на самого себя импульса мести как "раскаяния", - однако она предполагает подлинную "нечистую совесть" и подлинное "раскаяние". Впрочем, явление, на которое обратил внимание Ницше, существует. "Le moi est haïssable" - эти слова Блеза Паскаля, человека, который как никто другой был обуреваем рессентиментом, но на редкость искусно сумел скрыть его, пропустив через свой дух и придав ему христианскую интерпретацию, несомненно, выросли на этой почве. Когда Ж.М.Гюйо рассказывает нам, как дикарь, которому была запрещена кровная месть, "пожирает" самого себя и становится всё слабее и слабее, пока, в конце концов, не умирает, то причину этого мы видим в описанном нами процессе.

Но довольно о самом рессентименте. Присмотримся к тому, что он может дать для *понимания* определенных - индивидуальных и исторических - *нравственных оценок* и целых систем таких оценок. Само собой разумеется, что подлинные, истинно нравственные ценностные суждения не могут основываться на рессентименте, - на нем строятся лишь ложные, вырастающие из *ценностных заблуждений* оценки и соответствующая им направленность поступков и жизнедеятельности. Ницше ошибается, когда думает, что корнем подлинной нравственности может быть рессентимент. Подлинная нравственность покоится на вечном *ранговом порядке ценностей* и соответствующих ему аксиоматически ясных законах предпочтения, которые *столь же объективны и столь же "очевидны"*, как и истины математики. *Существует "ordre du coeur" и "logique du coeur"*, как говорит Паскаль, и нравственный гений человека раскрывает их в истории лишь по частям, ибо "историчны" они не сами по себе, а только в своём познании и усвоении. Рессентимент же - источник *переворотов* в извечном порядке человеческого сознания, одна из причин заблуждений в познании этого порядка и в претворении его в жизнь. Все изложенное мной далее следует понимать именно в этом смысле.

Ницше в принципе говорит то же самое, когда пишет о "фальсификации ценностных таблиц" рессентиментом. Правда, он релятивист и скептик в этике. А ведь "фальсифицированные" ценностные таблицы предполагают "истинные", ибо в противном случае речь могла бы идти лишь о пустой "борьбе ценностных систем", из которых *ни одна* не была бы "истинной" или "ложной".

Влиянием рессентимента объясняются не только события нашей "маленькой" повседневной жизни, но и "большие" сдвиги в истории нравственных воззрений. Правда, здесь действует иной психологический закон. В тех случаях, когда сильное стремление к реализации некой ценности наталкивается на невозможность осуществить его (например, получить какое-то благо), возникает тенденция сознания преодолеть неудовлетворенное состояние *напряжения* между стремлением и немощью за счет принижения, или *отрицания* позитивной ценности блага, а иногда позитивной ценностью объявляется даже то, что данному благу противоположно. Это басня о лисе и кислом винограде. Если наши попытки добиться любви и уважения какого-то человека не увенчались успехом, то мы легко находим в нем отрицательные качества. Мы "успокаиваем" и "утешаем" себя тем, что вещь, к которой мы тщетно стремились, "ничего особенного из себя не представляет", что она либо вовсе не имеет для нас ценности, либо ценность ее не так велика, как мы предполагали. Сначала мы имеем дело лишь с вербальным утверждением, что некая вещь, некий человек или некое состояние, т.е. конкретный объект нашего стремления, отнюдь не обладает той позитивной ценностью, которая пробудила в нас такое сильное стремление к нему. Речь идет, например, о том, что не ставший нам другом человек якобы не так уж "честен" или "умен"; что виноград не так уж и сладок, да и вообще "зелен".

Однако случаи такого типа - ещё *не* ценностная фальсификация. Это лишь иной взгляд на *вещи*, благодаря которому они раскрываются нам с новой стороны. Сама же *ценность* сладкого винограда (ума, смелости, честности) признается нами, как и прежде. Лиса говорит не о том, что "сладкое" - плохо, а о том, что виноград "кислый". При этом мотивом речевого высказывания, умаляющего ценность недоступного, может быть, например, симуляция чувств перед теми, чьих насмешек мы хотели бы избежать. Высказывание с самого начала может быть предназначено только "зрителям", и тогда оно способно изменить нашу собственную оценку. Но даже за такими простыми случаями скрывается более глубокий мотив. Путем девальвации объекта стремления *снимается* напряжение между силой влечения и переживаемым бессилием - и неприятное чувство, вызванное этим напряжением, постепенно *уходит*. Само наше влечение и его сила кажутся нам все более "*немотивированными*" - ведь объект был "не таким уж и ценным". В результате влечение ослабевает, а за счёт этого снижается и степень напряжения от невозможности его осуществить. Таким образом - хотя и на почве иллюзий - несколько улучшается наше самочувствие и крепнет ощущение собственной силы. Подобный "опыт" не только развивает склонность говорить как бы в расчете на других - он меняет в том же направлении способность *судить* и *оценивать*. Эта склонность особенно типична для мелкобуржуазной среды с характерной для нее нравственностью: как часто она проявляется, когда хвалят "простоту", "экономность", говорят, что чем-то очень "довольны", или, что вот это "дешевое" кольцо или эта "дешевая" посуда намного "лучше", чем "дорогие"! Склонность к подобным оценкам обнаруживается во взаимоотношениях женщин различных возрастных категорий ("молодые девки - старые ханжи"), в разном отношении к долгам у торговца и у аристократа и вообще во всех случаях, когда "из нужды делают добродетель".

Однако этот психологический закон снятия напряжения между стремлением и бессилием путем иллюзорной оценки объекта приобретает совершенно новый и чреватый разнообразными следствиями смысл, если мы имеем дело с душевной конституцией, определяемой ресентиментом. Зависть, недоброжелательность, злоба, тайная жажда мести наполняют глубины души находящегося во власти ресентимента человека, не имея никакой связи с определенными объектами: они уже стали твердыми установками, направляющими инстинктивное, не зависимое от сферы произвольных желаний внимание на такие явления окружающего мира, которые могут дать материал для *типичных форм* выражения указанных выше аффектов. Этими установками соопределяется уже сам процесс формирования восприятий, ожиданий и воспоминаний. Они автоматически выделяют из всех встречающихся им явлений такие их части и стороны, которые могут оправдать фактическое наличие этих чувств и аффектов, подавляя другие. Поэтому человека, находящегося во власти ресентимента, словно магической силой влекут к себе жизнерадостность, власть, счастье, богатство, внешний блеск, физическая сила. Он не может пройти мимо них: "хочет" того или нет, а он должен их видеть. Его мучает тайное желание иметь все это, но оно осознается как "тщетное", и тогда возникает обратное произвольное желание отвернуться от этих явлений, боязливое их игнорирование, стремление отвратить внимание от того, что мучает, объяснимое телеологией сознания. Прогрессирующее развитие этого внутреннего процесса ведет к *фальсификации* предметной *картины мира*. Мир человека, находящегося во власти ресентимента, структурируется вначале по совершенно определенным ценностям жизни - бойкости и живости, - независимо от тех конкретных объектов, что попадают в поле его восприятия. Но по мере того, как игнорирование позитивных ценностей побеждает тягу к ним, он все глубже погружается, минуя переходные ценности и ценности-средства, в противоположное этим позитивным ценностям зло. Постепенно оно занимает все большее пространство в сфере его ценностного внимания. В нём зарождается нечто такое, что пробуждает желание хулить, ниспровергать, унижать, и он цепляется за любой феномен, чтобы через его отрицание хоть как-то себя проявить. Так, оправдывая внутреннюю

конституцию своего ценностного переживания, ресентиментный тип произвольно "обесценивает" бытие и мир.

Но этот произвольный способ добиться подъема в ощущении жизни и дать выход подавленным витальным импульсам (путем фальсификации картины мира), имеет весьма ограниченную область применения. Человек, подверженный ресентименту, постоянно сталкивается в жизни с позитивными явлениями - счастьем, властью, красотой, силой духа, добром и т.д. Как бы он ни грозил им втайне кулаком, как бы ни хотел "вычеркнуть их из этого мира", чтобы избежать мучений от конфликта между собственным желанием и бессилием его осуществить - от них никуда не уйти, они как бы навязываются! Игнорировать их удается не всегда, а в долгосрочной перспективе это вообще невозможно. И если уже трудно противостоять напору позитивных явлений жизни, то бывает достаточно одного их вида, чтобы вызвать порыв ненависти против их носителя X, не нанесшего человеку, находящемуся в плену ресентимента, ни малейшего вреда и никак его не обидевшего. Вот почему в калеках и карликах, которые чувствуют себя униженными одним тем, что явили себя остальным людям, так легко вспыхивает эта дикая ненависть, похожая на гиену, всегда готовую к прыжку. Ненависть и вражда такого рода - самые глубокие и непримиримые как раз потому, что никак не обоснованы поступками и поведением "врага". Ведь направлены они против самого бытия и сущности другого человека, а не против его случайных действий и качеств. Именно такой тип "врага" имеет в виду Гёте, когда пишет:

“Ты оскорблен врагами?
Но как же могут быть друзьями
Те, для кого укор живой
Не только ты - весь облик твой”.

Здесь сама человеческая "сущность", ее бытие и чистое явление становятся "укором" - "молчаливым", "невысказанным". Какую-нибудь другую вражду еще можно чем-то объяснить, но такую - ничем! Уж кто-кто, а Гёте должен был ее изведать: величие и богатство его природы как нельзя лучше подходили, чтобы распалять ресентимент - и его яд сочился при одном лишь появлении поэта.

Но и такая, на первый взгляд, лишенная оснований ненависть - это еще *не самое характерное* следствие ресентимента. Тут его действие ограничено определенными людьми, в классовой ненависти - определенными группами. Но еще глубже, чем в случае фальсификации картины мира и ненависти к конкретным вещам и людям, воздействие ресентимента там, где дело доходит до иллюзий в *ценностном чувстве*, - до того, что Ницше называет "фальсификацией ценностных таблиц". На этой ступени отвергается игнорирование тех вещей, людей и т.д., которые являются носителями позитивных ценностей, отсутствует и склонность к их дискредитации, однако саму их позитивную *ценность*, несомненную и предпочтительную для нормального ценностного чувства и стремления, новое ценностное чувство превращает в негативную ценность. Поскольку человек, находящийся в плену ресентимента, не может осмыслить и оправдать собственное бытие и мироощущение, позитивно оценивая власть, здоровье, красоту, свободную жизнь и прочный быт; поскольку из-за слабости, боязни, страха, раболепия, вошедших в его плоть и кровь, он не способен овладеть тем, что является реальным воплощением этих позитивных ценностей, постольку его ценностное чувство извращается в направлении признания позитивно-ценным их противоположностей. Он как бы себе говорит: "Всё это гроша ломаного не стоит, ценности, которые действительно ведут человека к спасению и которые действительно следует предпочесть, заключены в прямо противоположных явлениях - бедности, страдании, боли, смерти". Осуществляя эту, по выражению Ницше, "уточнённую месть", ресентимент и в самом деле творит историю человеческих оценок и историю их систем. "Уточнённая" ("sublim") эта месть потому, что в

ней полностью гасятся все импульсы мести и ненависти, обращенные против людей сильных, здоровых, богатых, красивых и т.д., и с помощью ресентимента человек избавляется от мучений, доставляемых этими аффектами. Ведь теперь - после того, как свершился переворот в ценностном чувстве и соответствующие ему по смыслу оценки распространились в определенной группе - эти люди уже не достойны зависти, ненависти, мести. Как раз наоборот, они заслуживают сочувствия, сожаления, ибо погрязли во "зле". Теперь их появление рождает порывы милосердия, соболезнования, сострадания. В той мере, в какой перевернутое ценностное чувство ложится в основу "действующей морали" и приобретает силу господствующего этоса, оно переносится (путем традиции, внушения, воспитания) и на носителей этих мнимо развенчанных, воспринимаемых отныне как негативные ценности, после чего и те могут обладать ими, разве лишь втуне осуждая самих себя, с "нечистой совестью". Как говорит Ницше, "рабы" заражают "господ". Носитель же ресентимента, наоборот, представляется самому себе (на поверхности сознания) "добрым", "чистым", "человечным". Теперь он избавлен от мучений, вызванных необходимостью ненавидеть и мстить при неспособности воплотить это в действие, хотя, возможно, в глубине души он и признает, что его ощущение жизни отравлено, и видит подлинные ценности сквозь иллюзорные, словно через прозрачную стену. Итак, здесь "девальвируются" не отдельные обладатели позитивных ценностей, как это было в случае обыкновенной, еще не основанной на ресентименте ценностной дискредитации, а уже *сами* ценности. Последние совсем по-другому чувствуются и, соответственно, получают иное толкование и оценку. Вот почему здесь, благодаря телеологии сознания, намного глубже и систематичнее осуществляется все то, что не удается в случае простой ценностной дискредитации человека или фальсификации картины мира.

То, что мы называем "фальсификацией ценностных таблиц", "перетолкованием", "переоценкой", - не сознательная ложь и не ограничивается только сферой суждений. Неверно полагать, будто позитивная ценность сначала постигается чувством как таковая, а затем происходит всего лишь замена оценки "хорошо" на оценку "плохо". Наряду с сознательной *ложью* и преднамеренным обманом существует еще и то, что называется "*органической лживостью*". В этом случае фальсификация совершается не на сознательном уровне, как бывает при обыкновенной лжи, а *на подходе* переживаний к сознанию, т.е. в самом процессе формирования ценностного чувства и представлений. С "органической лживостью" мы сталкиваемся там, где люди даже не успевают толком осознать, отвечает ли что-то их "интересам" или установке инстинктивного внимания, как уже *в самом процессе* воспроизведения в памяти определенного момента действительности ими делается соответствующая подмена. Тому, кто лжив, незачем больше лгать! Если честный человек вынужден прибегать к сознательному обману, то у человека лживого фальсификация происходит путем произвольного автоматизма в процессе формирования чувств, представлений, воспоминаний. При этом обычно на поверхности его сознания - само простодушие и чистосердечность. Но точно так же извращен у него и процесс ценностного познания, доходящий, в конечном счете, до полного переворота в ценностях. И когда на то, что было таким образом "сфальсифицировано", вновь опирается оценочное суждение, последнее оказывается насквозь "истинным", "правдивым" и "честным", потому что строго соответствует *фактически* чувствуемой иллюзорной ценности.

Перевод с немецкого

кандидата философских наук А.Н.Малинкина